

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 4 / 2025, Iss. 4 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)

УДК 81'22

Выражение неотчуждаемой принадлежности в языках коренных народов Северной Америки

¹ Краснощёков Е.В.

¹ Южный федеральный университет

Аннотация: в предлагаемой статье анализируются способы выражения неотчуждаемой принадлежности в языках некоторых индейских племен Северной Америки. В этих языках, как и во многих других, принадлежность выступает в двух формах: отчуждаемая и неотчуждаемая. Четкие различия между неотчуждаемым и отчуждаемым демонстрируют два типа конструкций. Чаще всего притяжательные конструкции с притяжательными местоимениями, присоединенными к обладаемым существительным, используются в основном для обозначения неотчуждаемого владения, практически, во всех языках, а конструкции с добавленным маркером владения в подавляющем большинстве случаев используются для обозначения отчуждаемого владения, такого как владение недвижимостью. Выражение неотчуждаемости не ограничивается конструкциями на уровне слов или фраз, а может также передаваться конструкциями на уровне предложений. Примеры, взятые из различных языков, показывают сходство средств и способов выражения неотчуждаемости. Тем не менее, понятия, которые классифицируются как неотчуждаемые, различаются от языка к языку, хотя обычно они включают части тела и/или родственников, пространственные отношения и часто другие тесно связанные объекты, такие как дом, некоторые личные инструменты, следы ног или даже мысли. Материал представленной статьи может заинтересовать специалистов по сравнительно-историческому, типологическому языкознанию, истории языка.

Ключевые слова: неотчуждаемость, обладатель, владение, притяжательная конструкция, прономинальная префиксация, маркер, обладаемое, посессивность

Для цитирования: Краснощёков Е.В. Выражение неотчуждаемой принадлежности в языках коренных народов Северной Америки // Современный ученый. 2025. № 4. С. 25 – 31.

Поступила в редакцию: 21 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 22 января 2025 г.; Принята к публикации: 19 марта 2025 г.

The expression of inalienable belonging in the North American indigenous languages

¹ Krasnoschekov E.V.

¹ Southern Federal University

Abstract: this article analyzes the ways of expressing inalienable belonging in the languages of some Indian tribes of North America. In these languages, as in many others, belonging appears in two forms: alienable and inalienable. Two types of constructions demonstrate clear distinctions between inalienable and alienable. Most often, possessive constructions with possessive pronouns attached to possessive nouns are used primarily to denote inalienable possession, in almost all languages, while constructions with an added possession marker are overwhelmingly used to denote alienable possession, such as real estate possession. The expression of inalienability is not limited to

word- or phrase-level constructions, but can also be conveyed by sentence-level constructions. Examples taken from different languages show similarities in the means and ways of expressing inalienability. Nevertheless, the concepts that are classified as inalienable differ from language to language, although they usually include body parts and/or relatives, spatial relations and often other closely related objects such as a house, some personal tools, footprints or even thoughts. The material of the presented article may be of interest to specialists in comparative-historical, typological linguistics, history of language.

Keywords: inalienability, possessor, possession, possessive construction, pronominal prefixation, marker, possessed, possessivity

For citation: Krasnoschekov E.V. The expression of inalienable belonging in North American indigenous languages. Modern Scientist. 2025. 4. P. 25 – 31.

The article was submitted: November 21, 2024; Approved after reviewing: January 22, 2025; Accepted for publication: March 19, 2025.

Введение

Отчуждаемое и неотчуждаемое владение – это семантические и прагматические понятия, связанные с обобщенной степенью ассоциации между обладателем и обладаемым, а также со степенью значимости или выделения обладаемого отдельно от обладателя.

Основная идея, лежащая в основе использования этих терминов, достаточно ясна: неотчуждаемое владение – это врожденное, неотъемлемое, не передаваемое путем покупки. Отчуждаемое владение – это собственность, передаваемая социально и экономически.

Существительные, обладающие неотчуждаемым владением, во всех случаях требуют явного обладателя, обозначенного прономинальной префиксацией и/или наличием номинального обладателя. Термины родства и части тела как связанные слова типичны для этого класса.

Существительные с отчуждаемым обладателем могут иметь или не иметь открытого обладателя. Большинство существительных относятся к этому классу.

В терминах «отчуждаемое» и «неотчуждаемое» можно выделить одно повторяющееся, почти универсальное условие их лексического распределения. Существительные, обладающие «неотчуждаемостью», практически всегда образуют замкнутое множество, часто небольшое. В то время как существительные, обладающие «отчуждаемостью», образуют открытое, следовательно, бесконечное множество. Отсюда следует, что «неотчуждаемое» владение является маркированным членом оппозиции «отчуждаемость» [6, 5].

Материалы и методы исследований

Цель данного исследования – анализ выражения категории неотчуждаемой принадлежности в языках индейских племен Северной Америки. Хотя изучение природы выражения притяжательности не является чем-то новым в лингвистике (см.,

например, Lyons 1977, Seiler 1993, Croft 2002 и Heine 1997), исследования, сосредоточенные исключительно на индейских языках и учитывающие как морфосинтаксические, так и семантические ограничения, встречаются достаточно редко. Исследование такого рода позволит оценить существование разнообразных моделей выражения неотчуждаемости в целевых языках, что, в свою очередь, может привести к более тонким описаниям для отдельных языков, а также к возможности выявления кросс-лингвистических тенденций. В ходе исследования применялись методы сплошной выборки, сравнительно-сопоставительный, а также обобщение. В процессе работы были использованы материалы отечественных лингвистов: Липеровский В.П. (2002), Тестелец Я.Г. (2001), а также зарубежных ученых: Chappell, H. & McGregor, (1996), Mithun, M. (2001), Robert W. Young, William Morgan (1987), Baker, M.C. (1996), Crowley, Terry (1983), Nichols Johanna (1988) и др.

Результаты и обсуждения

Наше исследование начнем с анализа примеров некоторых индейских языков:

Пример из языка навахо, где обладаемое существительное принимает поссесивный аффикс:

(1) *'ashkii bi- deezhi*
мальчик 3л.ед.ч. младшая сестра
'младшая сестра мальчика' [14, с. 87].

Пример из языка зуни: обладатель имеет падеж, а обладаемое не имеет падежа:

(2) *hom k' ak'w enne*
1 л.ед.ч.-посс. дом 'мой дом' [10, с. 66]
или из нез-персе:

(3) *'ip- nim miya'c*
3 л.ед.ч. род.п. ребенок – 'его ребенок' [2, с. 134].

Поскольку в примере навахо обладаемое существительное несет морфологический маркер владения, эта модель является маркированной. В примерах зуни и нез-персе маркер обладания

несет зависимое существительное-обладатель, поэтому эта модель называется зависимо-маркированной.

Также возможно, что оба члена конструкции несут маркеры (с двойной маркировкой), как в одной из конструкций, используемых в языке хайда [12, 258]:

(4) *Luā' -i lā'ga*

каноз посс. его – 'его каноз'

или ни один из элементов не несет маркера, как в Атакапа [12, с. 126]:

(5) *ha tal* – 'его кожа'.

Существуют так называемые комбинированные системы. Например, в языке племени нез-персе используется конструкция, подобная той, что используется в языке навахо для родственных терминов – «отчуждаемое/неотчуждаемое» владение – в то время как для других существительных используется конструкция, показанная выше [11, 560].

Понятия, которые грамматически классифицируются как неотчуждаемые, варьируются от языка к языку, но обычно они включают части тела и/или родственников, пространственные отношения и часто другие тесно связанные объекты, такие как дом, некоторые личные инструменты, следы ног или даже мысли [3].

Пример из языка катламет (чинук):

(6) *kualqá: amíxúlxama imí-latxñ*

kualqá a-m-i-x-u-lx am-a i-mi-latxñ

такой буд.вр.-2эрг.-м.р.-абс.п.-посс-говорить-буд.вр.м.р.-2посс.-племянник

такой вы мочь говорить вашему ваш племянник

– 'Как вы можете говорить такое своему племяннику?' [7, с. 285].

(7) *k'e-kk'e* –

К'Е-след, следы'

(8) *be-laagge'* – 3л.ед.ч.- 'его/ее голос'

(9) *k'e-k'el-e'*

К'Е-одежды-посс. одежда'

Души и духи также являются неотъемлемой собственностью:

(10) *be-yeege'* – 3л.ед.ч.- 'его/ее дух, образ' [13, 660]

Некоторые части тела, как правило, имеют особую значимость или обособленность от тела обладателя, и они с большей вероятностью могут стать объектом чужого владения. В этот класс входят волосы, кости, кулаки и продукты жизнедеятельности. Так слово «рука» *-lo'* является неотъемлемой собственностью, а слово «кулак» *-dzestl* – нет [1, с. 4-5].

Возможно, это происходит потому, что кулаки сами по себе являются значимыми сущностями, в то время как руки таковыми не являются. Существительное «кулак» может быть отчуждаемым, потому что оно является временным проявлением.

Примеры из языка лакота (сиу):

(11) *p^hehi wéčašla*

p^hehi wa-ki-ka-šla

волосы 1л.ед.ч. агенс-посс-причина с инстру-мент-быть без покрова

волосы я срезать его – 'Я подстриг его волосы'. [8, 285]

Понятие отчуждаемости не является категориальным: если одни существительные однозначно неотчуждаемы, а другие однозначно отчуждаемы, то некоторые существительные неоднозначны в плане своей отчуждаемости.

Например, основа *-tlee'* в коюконском языке означает 'голова'. Однако эта основа связана, и нельзя сказать *'tlee'* в отдельности. Если речь идет об отделенной лапе животного или нет необходимости указывать владельца, в качестве притяжательного префикса используется связанное местоимение *k'e-* 'что-то'. Префикс *k'e-* в коюконском языке обычно является неопределенным или не-референтным местоимением.

(12) *k'e- tlee'*

К'Е-голова – 'чья-то/конкретно голова (но, не человека)'

Когда речь идет о частях тела человека без указания их обладателя, используется префикс *denaa-*, который может функционировать как неопределенный префикс или префикс первого лица множественного числа. Этот префикс используется исключительно для человеческих референтов, в то время как *k'e-* используется только для нечеловеческих обладателей. Пример:

(13) *denaa- tlee'*

'наши головы', 'чья-то голова', 'голова (человека)' [13, с. 657].

Структурные проявления отчуждаемости, однако, категориальны, поэтому пограничные случаи трактуются по-разному в разных языках. Например, внутренние органы в некоторых языках считаются отчуждаемыми, предположительно потому, что их обычно не видят прикрепленными к живому телу [5]. Однако в других языках, например, коюконском, внутренние органы являются неотъемлемой собственностью, по всей видимости, потому, что они являются неотъемлемыми частями целого и не могут существовать как функционирующие единицы без какого-либо владельца [13, с. 653].

(14) *lekkone 'blood'* 'чья-то кровь'

(15) *det 'blood'* 'конкретно кровь'

В большинстве случаев части тела и продукты тесно ассоциируются с их обладателями, поэтому можно ожидать, что они будут неотчуждаемыми, а те, которые ассоциируются с ними в меньшей степени, будут отчуждаемыми. Например, ступни тесно связаны с их владельцами, в то время как фурункулы и другие аномальные наросты – нет. Тесная связь с обладателем также объясняет неотчуждаемость существительных, приведенных в примерах.

Слова «ступня» и «кожа» могут встречаться как отдельные основы с чередованием их значений. Например, слово, обозначающее подошву, пришиваемую к ботинку, не относится к форме основы «нога».

Однако подошва ступни является неотъемлемой собственностью.

(16) *k'e-kkaa'* – К'Е-нога '(чья-то) нога'

(17) *kkaa* 'подошва (для ботинка)'

be-kkaa-tl'ogha

Зл.ед.ч.-нога-под – 'его/ее подошва (ноги)'

Наиболее распространенная семантическая оппозиция – между присущими отношениями «часть-целое» и «владение». Например, в языке навахо [14, 7, 23]. Зависимые существительные, если они принадлежат кому-то другому, (не неотъемлемому владельцу), принимают так называемое вторичное владение. В языке существуют два посессивных префикса, один указывает на владельца, а второй обозначает неопределенное владение:

(18) *bi- be'*

Зл.ед.ч. молоко – 'ее молоко' (т.е. молоко, которое она давала)

be- 'a – be'

Зл.ед.ч. безличн. молоко

'ее молоко', (например, коровье молоко, которое она купила в магазине)

Чаппелл и Макгрегор в работе "The grammar of inalienability" [4] показывают, что выражение неотъемлемости в межъязыковом плане не ограничивается конструкциями на уровне слов или фраз, а может также передаваться конструкциями на уровне предложений, такими как датив сопричастности (Балли, 1926), локативы частей тела и инкорпорацией существительного.

Во всех этих конструкциях обладатель выступает в качестве основного аргумента элементарного предложения (клаузы).

С клаузальными конструкциями связано и несколько других особенностей

Например, клаузальные конструкции могут использоваться для обозначения неотчуждаемого

владения (волосы, племянник, дом), в то время как номинативные конструкции используются для обозначения отчуждаемого владения (одежда, дерево, одеяла). Такая картина типична для естественной речи. В приведенных примерах из различных языков неотчуждаемое и отчуждаемое владение может передаваться как номинативными конструкциями, так и клаузальными конструкциями.

Примеры:

Лахотские (сиу) номинативные конструкции с неотчуждаемым владением:

(19) a. *hé mič^húkšī yúzikta č^hi*

hé mi-č^húkšī yuzi-kta č^hi

это 1л.ед.ч. посс.-дочь брать-ирреалн. желать

это моя-дочь он жениться-ее он желать

'Он хочет взять в жены мою дочь'

b. *mič^híkšī kī k^húžac^ha*

mi-č^híkšī kī k^huža= č^ha

Зпосс.-сын определ. прош.вр. больной=с тех пор как...

'с тех пор, как мой сын заболел ...' [8, с. 889].

Лахотские клаузальные конструкции с отчуждаемыми элементами:

(20) a. *hayápi waglúžaža*

ha-yá-pi wa-kī-yu-žaža

кожа-покрывало-субстантивац.1агнс-посс.-извлечение-мыть

одежда я стирал моя – 'Я постирал свою одежду'

b. *iš wasé glubléblel hináži*

iš wasé kī-yu-bleblel hi-náži

'Она сумка яркий макияж развязывание ее она подошла и встала

'...Она шла вперед со своей открытой сумкой красок для лица ... - ' [8, 911]

Катламет (чинук) демонстрирует аналогичные исключения, как в (21) и (22):

Катламетские именные конструкции:

(21) *Aqa iklúquat lkáxan*

aqá i-k-l-u-quat l-ka-xan

'затем она мыла это ее ребенок'

'Затем она вымыла своего ребенка' [7, с. 289].

(22) Катламетские клаузальные конструкции: [7, 236]

iskixílakua istáxanim

i – s – kī – x – l – akua i-sta-xanim

они два повернули их вокруг их каноз

'Они развернули свое каноз' [7, с. 291].

Неотчуждаемость и «близость воздействия» действительно тесно связаны, но грамматические структуры, например, в языках лахота, катламет и ирокез показывают, что в конечном итоге они различны.

В двух из этих языков неотчуждаемость явно выделяется в номинативных посессивных конструкциях. И лахота, и ирокез содержат две парадигмы притяжательных префиксов для существительных. В лахоте неотчуждаемое владение обозначается у существительных теми же прономинальными префиксами, которые обозначают пациенс у глаголов: *ma-* или *mi-* 'мой', *ni-* 'твой', *uki-* 'наш'. Отчуждаемое владение показывается маркером *t^ha-*, которому предшествуют те же прономинальные префиксы: *mit^há-* 'мой', *nit^há-* 'твой', *t^ha-* 'его/ее/их', *ukit^ha-* 'наш'.

Таким образом, можно сказать *ma-sí* – 'моя нога' и *ma-íte* – 'мое лицо', но *mit^há-šuka* – 'моя лошадь' и *mit^há-hayari* – 'моя одежда' [9, 300].

В дополнение к клаузальным конструкциям, маркирующим косвенную аффектацию, лахота, катламет и мохаук содержат другой тип клаузальных конструкций, которые часто интерпретируются как атрибутивное владение. В этом типе участник, идентифицируемый как обладатель, выступает в качестве основного аргумента клаузы, как и в клаузальных конструкциях, описанных выше, но маркер косвенности отсутствует.

В лахота участник выражен как грамматический пациенс, но глагол не содержит косвенного префикса *ki-*:

Лохота:

(23) *p^há mayáza*, *sí makáhu*

phá ma-yaza, *sí ma-kahu*

голова 1л.ед.ч. пациенс-боль нога

1л.ед.ч.пациенс-резать

голова я иметь в боль = нога (он) резать меня=

'У меня болит голова' 'Он порезал мне ногу' [8, 914]

В языке катламет участник, идентифицируемый как обладатель, выступает в абсолютном, а не дательном падеже, и рефлексивный префикс отсутствует:

Катламет:

(24) а) *qalkiⁱquiltm^x*

qa-lk-i-quiltm-x

– 'Она ударила его несколько раз'.

б) *iáqaqstaqpa*

i-ia-qaqstaq-pa

м.р.-м.р. посс-голова-лок.п.

по его голове

yáxi imúlak

yaxi i-mulak

этот м.р.-лось

'она бить опр. лось по голова' = 'Она ударила лось по голове' – [7, с. 301].

Хотя существует сильная корреляция между использованием этих конструкций и неотчуждае-

мостью, их основная функция заключается в указании прямого действия.

Если кто-то порезал мне ногу, он порезал меня напрямую. Непосредственность воздействия и неотчуждаемость обычно идут рука об руку: действие в отношении неотчуждаемого владения, такого как нога, голова или лицо, обычно воздействует на владельца более непосредственно, чем действие в отношении отчуждаемого владения, такого как дом или автомобиль.

Косвенное воздействие с неотчуждаемым владением в языке лахота:

(25) *p^hehi wéčašla*

p^hehi wa – ki – ka – šla

волосы

1л.ед.ч.агенса-косвен.-

причина.с.инстр.п. быть лысый

'Я подстриг его волосы' [9, с. 302].

В лахота волосы относятся к категории неотчуждаемого владения благодаря морфологии существительного: *ma-phéhi* 'мои волосы' (а не **mit^há-p^hehi*). Но если я стригу кому-то волосы (как в примере (11), повторенном ниже как (25)), мое действие выражается как косвенное воздействие на него с помощью глагола, содержащего косвенный префикс *ki-*, несмотря на грамматическую неотъемлемость существительного.

Выводы

Таким образом, неотчуждаемая принадлежность в различных языках коренных жителей Америки, может выражаться различными способами: простыми предложениями и специальными маркерами неотчуждаемой принадлежности, присоединенными к глаголам. Понятия, которые грамматически классифицируются как неотчуждаемые, варьируются от языка к языку, но обычно они включают части тела и/или родственников, пространственные отношения и часто другие тесно связанные объекты, такие как дом, некоторые личные инструменты, следы ног или даже мысли. В большинстве случаев части тела и продукты тесно ассоциируются с их обладателями, поэтому можно ожидать, что они будут неотчуждаемыми, а те, которые ассоциируются с ними в меньшей степени, будут отчуждаемыми. Притяжательные конструкции включают не только реальное владение, но и термины родства, которые являются неотчуждаемыми существительными. Существительные, обладающие «неотчуждаемостью», практически всегда образуют замкнутое множество, часто небольшое. В то время как существительные, обладающие «отчуждаемостью», образуют открытое, следовательно, бесконечное множество. Отсюда следует, что «неотчуждаемое» владение является маркированным членом оппозиции «отчуждаемость». Два типа конструкций демонстрируют го-

раздо более четкие отношения маркированности между неотчуждаемыми и отчуждаемыми существительными. Притяжательные конструкции с притяжательными местоимениями, присоединенными к обладаемым существительным, используются в основном для обозначения неотчуждаемого

владения, практически, во всех языках, а конструкции с добавленным маркером владения (поссессивности) в подавляющем большинстве случаев используются для обозначения отчуждаемого владения, такого как владение недвижимостью.

Список источников

1. Adamson Luke Gender assignment is local: On the relation between grammatical gender and inalienable possession // *Language*. June 2024. № 100 (2). P. 218 – 264.
2. Aoki, Hauro Nez Perce Grammar. (University of California Publications in Linguistics 62.) Berkeley and Los Angeles: University of California Press. 1970. 180 p.
3. Ciucci, Luca. “Possessive constructions in Chamacoco (Zamucoan)”. Workshop Exploring possession across Indigenous Central and South America: Expanding perspectives through underdescribed languages // *Faculty of Artes Liberales*. January 17, 2025. University of Warsaw. P. 227 – 285.
4. Chappell H., McGregor W. “Introduction”. In H. Chappell and W. McGregor (eds), 1996. P. 1 – 30.
5. Crowley, Terry. Uradhi. In R.M.W. Dixon, ed., *Handbook of Australian Languages*, Amsterdam // J. Benjamins. Vol. III, 1983. P. 307 – 428.
6. Giancaspro David, Sanchez Liliana Elizabeth, Me, mi, my: Innovation and variability in heritage speakers’ knowledge of inalienable possession // *Glossa a journal of general linguistics*. 2021. № 6 (1). P. 3 – 31.
7. Hymes, D. The language of the Kathlamet Chinook. Ph.D. dissertation, University of Indiana, Bloomington. 1955. 317 p.
8. Mithun M. Native North American Languages // *The Cambridge Handbook of Areal Linguistics*. Raymond Hickey, ed. Cambridge, UK: Cambridge University Press. 1999, January 17. P. 878 – 933.
9. Mithun M. The difference a category makes in the expression of possession and inalienability // Vol. 47 *Dimensions of Possession* Edited by Irène Baron, Michael Herslund and Finn Sørensen John Benjamins Publishing Company Amsterdam / Philadelphia. 2001. P. 285 – 310.
10. Newman, Stanley. Zuni Grammar. (University of New Mexico Publications in Anthropology, 14.) Albuquerque: University of New Mexico Press. 1965. 77 p.
11. Nichols Johanna On alienable and inalienable possession / From the Haas Festival Conference on Native American Linguistics edited by William Shipley. Syntax Research Center University of California, Santa Cruz. Mouton de Gruyter Berlin New York Amsterdam. 1988. P. 557 – 609.
12. Swanton, John R. A sketch of the Atakapa language // *International Journal of American Linguistics*. № 5. 1929. 149 p.
13. Thompson Chad, On the Grammar of body in Koyukon Athabaskan // *The Grammar of Inalienability. A Typological Perspective on Body Part Terms and the Part-Whole Relation* edited by Hilary Chappell William McGregor Mouton de Gruyter. Berlin – New York, 1996. P. 651 – 676.
14. Robert W. Young; William Morgan, *The Navajo Language: A Grammar and Colloquial Dictionary* University of New Mexico Press, 1987. 1506 p.

References

1. Adamson Luke Gender assignment is local: On the relation between grammatical gender and inalienable possession. *Language*. June 2024. No. 100 (2). P. 218 – 264.
2. Aoki, Hauro Nez Perce Grammar. (University of California Publications in Linguistics 62.) Berkeley and Los Angeles: University of California Press. 1970. 180 p.
3. Ciucci, Luca. “Possessive constructions in Chamacoco (Zamucoan).” Workshop Exploring possession across Indigenous Central and South America: Expanding perspectives through underdescribed languages. Faculty of Artes Liberales. January 17, 2025. University of Warsaw. P. 227 – 285.
4. Chappell H., McGregor W. “Introduction”. In H. Chappell and W. McGregor (eds), 1996, pp. 1 – 30.
5. Crowley, Terry. Uradhi. In R.M.W. Dixon, ed., *Handbook of Australian Languages*, Amsterdam. J. Benjamins. Vol. III, 1983. P. 307 – 428.
6. Giancaspro David, Sanchez Liliana Elizabeth, Me, mi, my: Innovation and variability in heritage speakers’ knowledge of inalienable possession. *Glossa a journal of general linguistics*. 2021. No. 6 (1). P. 3 – 31.
7. Hymes, D. The language of the Kathlamet Chinook. Ph.D. dissertation, University of Indiana, Bloomington. 1955. 317 p.

8. Mithun M. Native North American Languages. The Cambridge Handbook of Areal Linguistics. Raymond Hickey, ed. Cambridge, UK: Cambridge University Press. 1999, January 17. P. 878 – 933.
9. Mithun M. The difference a category makes in the expression of possession and inalienability. Vol. 47 Dimensions of Possession Edited by Irène Baron, Michael Herslund and Finn Sørensen John Benjamins Publishing Company Amsterdam. Philadelphia. 2001. P. 285 – 310.
10. Newman, Stanley. Zuni Grammar. (University of New Mexico Publications in Anthropology, 14.) Albuquerque: University of New Mexico Press. 1965. 77 p.
11. Nichols Johanna On alienable and inalienable possession. From the Haas Festival Conference on Native American Linguistics edited by William Shipley. Syntax Research Center University of California, Santa Cruz. Mouton de Gruyter Berlin New York Amsterdam. 1988. P. 557 – 609.
12. Swanton, John R. A sketch of the Atakapa language. International Journal of American Linguistics. No. 5. 1929. 149 p.
13. Thompson Chad, On the Grammar of body in Koyukon Athabaskan. The Grammar of Inalienability. A Typological Perspective on Body Part Terms and the Part-Whole Relation edited by Hilary Chappell William McGregor Mouton de Gruyter. Berlin – New York, 1996. P. 651 – 676.
14. Robert W. Young; William Morgan, The Navajo Language: A Grammar and Colloquial Dictionary University of New Mexico Press, 1987. 1506 p.

Информация об авторе

Краснощёков Е.В., доктор филологических наук, профессор, Южный федеральный университет, judgin58@mail.ru

© Краснощёков Е.В., 2025